

Гелиан Прохоров

ДУХОВНЫЕ ПОВОРОТЫ В ИСТОРИИ РОССИИ

В сочинениях удивительнейшего из богословов Дионисия Ареопагита говорится о положении вечности *над* настоящим. Читая Ареопагита, мы различаем две вертикали, соединяющие с нею наше время. Одна из них — «катафатическое», утвердительное, полное символов, воспринимаемых чувствами и сердцем, светоносное движение через ангельскую и человеческую иерархии сверху вниз, имеющее целью обратить умы и сердца людей кверху. А вторая — это «апофатическое», отрицательное движение умов снизу вверх в «божественный мрак» для встречи с тамошней божественной энергией¹. Ясно, конечно, что имеется в виду не физическое, а умозрительное пространство и устремление в нём. И ясно также, что «вечностная» вертикаль первого типа была господствующей в культуре всех Средних веков вплоть до эпохи Возрождения, а вертикаль второго типа оказывалась актуальной там и тогда, где и когда появлялись такие мистики-созерцатели, как Августин, Сугерий из Сан-Дени, Сузо, Таулер, Майстер Экхарт на Западе и исихасты в Византии и на Руси. Именно в этих случаях удивительная по силе вечная божественная энергия оставляла свои прекрасные следы в культуре, видимые нами до сих пор.

Коль скоро и та и другая вертикаль указывают из настоящего на вечность вверх, то, пересекая настоящее, и продолжаясь вниз, она указывает на то, что противоположно вечности, — на миг, момент. В самом деле, ведь, являя собой настоящее, мы находимся между этими противоположностями, между вечностью и моментом, ибо не вечны, а конечны, но и не моментальны, ибо длимся. А на прошлое и на будущее в умозрительном пространстве от нас, из настоящего, указывают, стало быть, направленные в противоположные стороны горизонтали. Так что мы — центр этого умозрительного пространства, образуемого и описываемого крестом возможных умственных ориентаций. Первородный грех Адама, думаю, в том и состоял, что, отвернувшись от Вечности, он стал вглядываться то туда, то сюда — то в Будущее, то в Момент. Прошлого ведь ещё не было.

Несомненно, что, любя и чтя своих родителей и их родителей, своих предков, мы выражаем своё уважение Прошлому. След главенства этой ориентации сохранился в нашем языке в самих этих словах: «предки» — те, кто впереди, и «потомки» — те, кто после них, «потом». Главенствуя

в умах, эта ориентация создаёт родоплеменные культы, и тогда объединяет и разъединяет людей кровь. Так оно и было на территории будущей Руси до её христианизации. Читаем в «Повести временных лет»: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ. Поляне бо своих отецъ обычаи имуть кротокъ и тихъ, и стыдѣнне къ снохамъ своимъ и къ сестрамъ, къ матеремъ и к родителямъ своимъ; къ свекровемъ и къ деверемъ велико стыдѣнне имѣху...». И хотя летописец пишет, что у других племён обычаи были несравненно хуже: «А древляне живяху звѣриньскимъ образомъ, живуще скотьски: убиваху другъ друга, ядяху вся нечисто, и брака у нихъ не бываше, но умыкиваху у воды дѣвиця. И ради мичи, и вятичи, и сѣверъ одинъ обычаи имяху: живяху в лѣсѣ, якоже всякий звѣрь, ядуще все нечисто, срамословье в нихъ предъ отъци и предъ снохами...»², думаю, несомненно, что тип духовной ориентации у всех них был тот же, что у полян: «Имяху бо обычаи свои, и законъ отецъ своих и преданья, кождо свой нравъ».

Христианизация нашей страны, появление здесь Вечности с её устремляющей вверх культурой, имела результатом рождение из племён нового народа — русских. Культ Слова Божия с его Словоцентрическим ансамблем искусств — искусства письма, литературы, изобразительного искусства, музыки и архитектуры — обладает, как показывает история, способностью порождать народы. Он ведь создал из разных племён французов, англичан, болгар, алтайцев... Да и не только их.

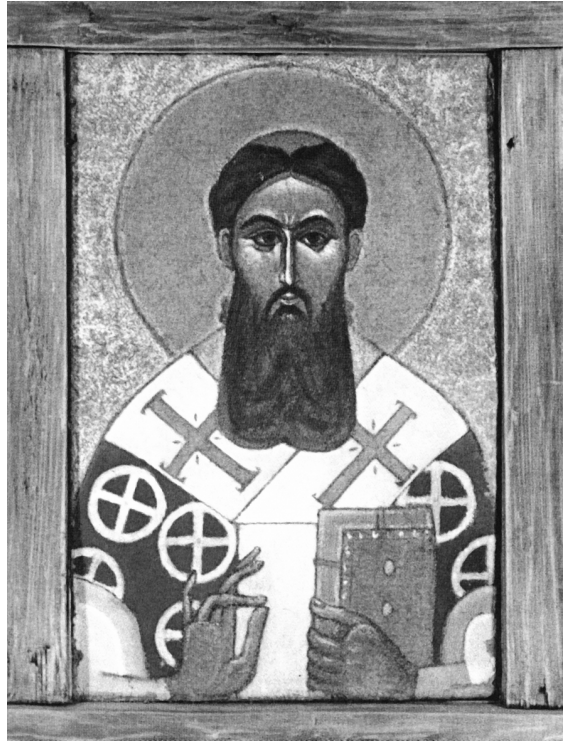
У нас с христианизацией появились письменность и литература — как внутри храмового Словоцентрического ансамбля, так и вне его. Внутри — это превосходные проповеди, как то «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, слова Кирилла Туровского, а также жития наших святых и гимны и молитвы им. Зазвучали и распетые по-славянски переведённые с греческого богослужебные тексты. А вне этого ансамбля сочетание новопришедшего культа Христа-Бога с местным культом княжеского рода породило такое своеобразное литературное явление, как наша летопись, которая стала, можно сказать, спинным хребтом всей русской средневековой литературы. Появились и своя живопись, и своё каменное строительство — как церковное, так и дворцовое.

«Прошlostные» ценности и обычаи сразу исчезнуть, разумеется, не могли. Да они и не могут исчезнуть вовсе, могут лишь перестать главенствовать. Их присутствие и значение в русской жизни XI–XIII вв. ясно видно уже по тому, что князья носят два имени — родовое и христианское, крещальное. Едва ли не первый князь, которого мы знаем только по христианскому имени — Александр Невский. Первый русский святой, князь

Борис, в крещении Роман, отказался сопротивляться своему убийце Святополку именно по родовым соображениям: потому что тот — старший брат и после смерти их отца занял отцово место³. И по своей смерти Борис остаётся верным именно родовым чувствам: ведь вместе со своим братом Глебом-Давидом он помогает нашим князьям в битвах с иноплемениками-иноверцами не как единоверным, а именно как «сродникам»⁴.

Показателен и конфликт с матерью юного Феодосия, будущего Печёрского. Когда тот отказывался богато одеваться и играть со сверстниками, она считала, что он творит «укоризну себе и роду своему»⁵.

Естественное с ходом времени сближение и соприкосновение культур — «прошlostной» с её устным творчеством и «вечностной» с её письменностью, — обычно происходящее лет примерно через двести после их «встречи», у нас было прервано бедой татаро-монгольского нашествия. Встреча эта уже начиналась, о чём свидетельствует сам факт записи звучавшего перед князем и дружиной «Слова о полку Игореве». Но основная масса произведений здешнего устного творчества осталась за пределами древнерусской книжной культуры, — по контрасту с соседней крещённой почти тогда же, когда и Русь, Скандинавией, где монах Снорри Стурлусон в XIII веке записал исландские саги. Похоже, Русь — единственная из христианских стран, где устное творчество в целом не было допущено в письменность. И его произведения — былины, песни, сказки — записывались лишь в XVIII–XX вв., в Новое время. Видимо, сами обрушившиеся на Русь в XIII в. беды воспринимались отчасти как наказание за неискоренённость дохристианских верований и обычаев. Так, по крайней мере, можно думать,

Архиепископ Григорий Палама
Фессалоникийский. 1965. К., т., пастель

читая в проповедях 80-х гг. XIII в. Серапиона Владимирского: «Аже ещё поганьскаго обычая держитесь: волхвованию вѣруете... Печалень есмь о вашемъ безумьи, молю вы, отступите дѣль поганьскихъ... Нынѣ же, мою вы, за преднее безумье покайтесь и не будьте отсель аки трость, вѣтромъ колѣблема»⁶. Общественное сознание должно было постепенно поворачиваться тогда «по часовой стрелке» — от Прошлого вверх к Вечности.

Бородавское озеро. 1984. К., т.

Как справедливо пишет Р. Г. Скрынников: «К XIV веку языческая Русь превратилась в Святую Русь»⁷. Этому способствовали и эволюция собственной нашей духовной жизни, и тот духовный подъём, который произошёл тогда в православии на Балканах, в Византии, Сербии, Болгарии, на Афоне. Удивительно большое количество переводов с греческого языка на славянский было тогда сделано там и принесено на Русь, так что русская литература в период с середины XIV в. по середину XV, во время «второго южно-славянского влияния», увеличилась в своём составе едва ли не вдвое⁸. Что это за литература?

По большей части это произведения богословско-аскетические. Резкий рост интереса к ним был вызван происходившими тогда в Византии

«исихастскими» спорами — полемикой выходца из Италии греческого монаха Варлаама, обвинявшего монахов-исихастов в ереси, и защитника этих монахов Григория Паламы⁹. Варлаам говорил о невозможности для человека соприкосновения с божественным, Вечным. Григорий же Палама, сохраняя христианскую умопостигаемую вертикаль, утверждал, что это и возможно, и необходимо для людей — соприкосновение не с сущностью, конечно, непознаваемого Бога, а с Его вечной энергией. Оба они ссылались при этом на сочинения Дионисия Ареопагита. И корпус этих сочинений с комментариями Максима Исповедника именно тогда был впервые переведён на славянский язык¹⁰ и скоро попал на Русь. В большинстве же своём переведены в то время были сочинения монахов-подвижников, научающие борьбе со страстями для духовного и умственного восхождения к божественному свету. В XV в. впервые появился на Руси и собственный писатель-исихаст — преподобный Нил Сорский¹¹. Все виды творчества — литература, живопись (иконопись, фрески), архитектура — обновляются тогда на Руси. Удивительно расцветают летописание, агиография, творят Андрей Рублев, Дионисий, обретают новый стиль храмы. И происходит новый этногенез, рождается, увеличиваясь в своём составе за счёт включения новых племён, новый народ — великороссы. И наибольшее количество святых на Руси, оказывается, жило именно в это время — в конце XIV и в XV в.¹²

Когда же на Руси начался поворот общественного сознания от Вечности к Будущему? Мне представляется, в XVI в., и замечен он нам по деятельности Иосифа Волоцкого. Тот одобрил развод князя Василия с бездетной Соломонией и его женитьбу на Елене Глинской, потому что стране, считал он, нужен княжич-наследник. Он отстаивал и отстоял право монастырей владеть сёлами, быть богатыми, чтобы в случае нужды помогать бедным. Его расправа с оппонентами-нестяжателями — приглашённым на Русь для переводов и пожизненно заточённым за согласие с Нилом Сорским Максимом Греком и учеником Нила Сорского публицистом Вассианом Патрикеевым, уморённым в заточении, равно как и сожжение еретиков «жидовская мудрствующих», на чём он настоял, — уже вполне в духе культа «светлого будущего». Удивительным образом из Будущего, при его культивации, всегда веет требующий кого-то убить недобрый дух. Да и из Прошлого, при его культивации, мне кажется, может веять то же самое.

В XVI веке происходит старательная поддержка культа княжеской крови: придумана теория кровной связи Рюриковичей через Пруса, якобы предка Рюрика, с римскими императорами¹³, и это отражается в новом

летописании: создаётся «Степенная книга», где поколения княжеского рода представляются ступенями лестницы, возводящей их и их потомков на небо¹⁴, а в созданном тогда Лицевом летописном своде русская история впервые связывается с римской. Но наступление Будущего продолжалось. В XVII в. реформаторы русской церкви, руководствовавшиеся стремлением возглавить весь православный мир, убили и искалечили чудовищно большое количество своих людей. Что цель никонианской реформы и последующих ожесточённых гонений на старый русский церковный обряд была именно политической, сомнений не вызывает¹⁵. Эта мечта, которой так и не суждено было сбыться, останется двигателем русской политики по начало XX века. А в начале XVIII в. Пётр Первый осуществил дальнейший поворот общественного сознания России по часовой стрелке — от Вечности к Будущему. В каком-то смысле Пётр «симметричен» крестителю Руси князю Владимиру. Если при том Вечности в умах здесь стало больше, чем Прошлого, то при Петре Первом тут стало Будущего больше, чем Вечности. На этом период «Древней Руси» с главенством Вечности в культуре в нашей истории закончился.

Удивительно плодотворным оказался у нас и «петербургский» период нашей истории, — XVIII–XX вв. Освобождённые из и от «Словоцентрического» ансамбля, в котором и в соприкосновении с которым искусства до тех пор находились, у нас возникли тогда «свободные» искусства: прекраснейшая художественная литература, музыка, ставшая оркестровой, академическая живопись, скульптура и архитектура, насыщенные античными образами и приёмами, и ещё больше развились мечты об усовершенствовании общества.

Не только масоны способствовали повороту российского сознания к земному Будущему, над этим трудилась едва ли не вся русская интеллигенция XVIII — начала XX в., создавая тайные революционные организации, организуя подпольное производство взрывчатки и террористические акты. Удивительным образом эта вера в земное Будущее сохранилась и у казалось бы православно верующего Ф. М. Достоевского, бывшего сначала революционером. В романе «Братья Карамазовы» старец Зосима у него пророчествует: «Сие и буди, буди!» — о перерастании со временем государства в церковь.

При всей своей готовности проливать кровь ради светлого Будущего никто из этих мечтателей, конечно, представить себе, я думаю, не мог, сколько крови прольётся в России и сколько людей здесь будет лишено свободы, посажено в тюрьмы и надолго отправлено в лагеря, когда к власти в ней придут большевики.

Стремление к Вечности большевики назовут опиумом для народа, традиции — пережитком прошлого, а радости момента — буржуазным разложением.

Любопытно совпадение периодов «христианизации» — времени от крещения страны до её духовной вершины — примерно 500 лет, и «футурализации» — времени от появления первых признаков почитания Будущего до полного торжества здесь культа «светлого будущего» — тоже примерно 500 лет. И вот что ещё любопытно: длительной остановки на достигнутых духовных направлениях в обоих случаях не произошло: стрелка общественного сознания, начавшая у нас своё движение при князе Владимире, на них не остановилась, но продолжала поворачиваться дальше.

Дербентская крепость. 1960-е. К., т.

В наши дни, миновав биссектрису, она ошутимо повернулась от Будущего вниз к Моменту, — к Моменту с его культом сладостей мира сего и делающих эти сладости доступными денег. Интересно, что пятисот лет для торжества этого нового культа теперь не потребовалось: прошло всего несколько десятилетий, а он ведь у нас уже всевластен. Появилось необыкновенно много обманщиков-жуликов-добывателей-вымогателей денег. Лозунги на улицах типа «Народ и партия едины», «Вперёд к победе

коммунизма» сменила реклама. Уже заметно и начало некоторого поворота дальше — к Прошлому, — прошлому нашей страны. К близкому, свидетельство того — заметное появление чего-то вроде культа Сталина, и к более далёкому: в рекламах и вывесках то и дело видим «яти» и «еры» после согласных в конце слов. И внутри нашего некогда единого этноса началось «межплеменное» противостояние (украинцев против «москалей»-русских). Заметно также начало поворота ещё дальше — к Вечности. Это видно по средствам массовой информации, по их программам и темам, например, о наших «новомучениках» XX века и о восстановлении разрушенных большевиками храмов и строительстве новых. Всё больше и больше народа ходит на службы в церковь. Разумеется, это никак не означает, что о будущем и о сиюминутном теперь вовсе не думают. О них, как и о прошлом, думали и будут думать всегда. Но они не главенствуют. И кажется, теперь поворот «часовой стрелки» нашего общественного сознания (для отдельных людей это — *надсознание*) ускорился.

Как это скажется на нашем искусстве во всех его видах? Ведь обязательно должно же сказаться. Иногда кажется даже, что уже сказывается. Нет сомнений, что наши новые «свободные» искусства должны скоро начать, и, мне кажется, уже начинают, стучаться обратно — в покинутый ими «Словоцентрический» ансамбль искусств или стремиться к соприкосновению с ним. Любопытно, к чему приведёт у нас новое соприкосновение Прошлого с Вечностью. В XI веке оно породило летописание. Посмотрим, что получится из этого теперь. А могут ли Миг и Вечность соприкоснуться? Да, могут — и в противостоянии друг другу, и в согласии друг с другом. Исихастская литература тому пример. Там — перечни губительных страстей, объяснения, как они подчиняют себе человека, и научения, как им противостоять, как с ними бороться, восходя к настоящему счастью. Ведь настоящее счастье — когда миг не отрывает нас от вечности, а благодатью творчества и радостью связывает с ней.

Так что вполне вероятно, что наше общественное сознание-надсознание вернётся, как блудный сын к Отцу, — повернётся вверх к Вечности. Тогда оттуда вновь, в третий раз в нашей истории, должен будет пойти животворящий поток божественной любви-энергии. При этом, конечно, опять чудесным образом обновятся у нас все виды творчества. И вне сомнений, произойдёт новый этногенез: русских станет ещё больше, и они будут ещё счастливее, радостнее и сильнее — и духовно, и умственно, и физически. Дай то Бог!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Дионисий Ареопagit. Корпус сочинений. С приложением толкований преп. Максима Исповедника / Пер. с греч. и вступ. ст. Г. М. Прохорова. 2-е изд., испр. СПб., 2006.

² Лаврентьевская летопись. Полн. собр. русских летописей. Т. 1. М., 1977. Стб. 13–14.

³ См.: Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исслед. и подг. текстов Н. И. Милютенко. СПб., 2006. С. 292, 404, 410.

⁴ См.: Житие Александра Невского // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 5. XIII век. СПб., 1997. С. 360.

⁵ Житие Феодосия Печерского // Там же. С. 356.

⁶ См.: Слова и Поучения Серапиона Владимирского // Там же. С. 378–380.

⁷ Скрынников Р. Г. Святители и власти. Л., 1990. С. 43.

⁸ См.: Соболевский А. И. Южнославянское влияние на русскую письменность в XIV–XV вв. СПб., 1894; Лихачёв Д. С. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. Докл. на IV Междунар. съезде славистов. М., 1958.

⁹ См.: Прохоров Г. М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. СПб., 2010. С. 133–173 (Главы «Православное Возрождение в Восточной Европе» и «Православное Возрождение Великой Руси»).

¹⁰ См.: Дионисий Ареопagit в славянском переводе старца Исаии (XIV век) / Изд. под рук. Германа Гольца (Богословский факультет Университета им. Мартина Лютера Галле-Виттенберг) и Гелиана Михайловича Прохорова (Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук); изд. подгот. Сабине Фаль и Дитер Фаль. Weier; Freiburg i. Br. Bd 1–5. 2010–2013.

¹¹ См.: Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Соч. / Изд. подг. Г. М. Прохоров. СПб., 2005.

¹² См.: Прохоров Г. М. Древняя Русь как историко-культурный феномен. С. 241.

¹³ См.: Сказание о князьях владимирских // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 9. Конец XV — первая половина XVI века. СПб., 2000. С. 278–289.

¹⁴ См. Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб., 2010.

¹⁵ См.: Крамер А. В. Причины, начало и последствия Раскола Русской Церкви в середине XVII в. СПб., 2005.